

Красная Пасха

Стихи, о которых я буду говорить, далеки от пасхальной радости, пронизывающей и сам праздник и всю Светлую седмицу. И тем не менее, как мне кажется, они уместны сегодня. Они - земной, хорошо нам знакомый порядок жизни, а точнее, беспорядок (хаос) жизни, в который вплетена Священная история. Радость Воскресения не отделить от трагедии. Бог пришёл на помощь падшему человечеству, осознавшему наконец низость своего падения. Это стихи Максимилиана Волошина из цикла «Усобица».

Красная Пасха

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей.
И стаи псов
Вьедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулемёты,
Свистя, как бич, по мясу обнажённых
Мужских и женских тел.
Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски -
Безрукие, безглазые...
Не грязь,
А сукровица поползла по скатам,
Под талым снегом обнажались кости,
Подснежники мерцали точно свечи,
Фиалки пахли гнилью.
Ландыш - тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно.
Как ноги трупов.
Листья и трава
Казались красными, а зелень злаков
Была опалена огнём и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.
А души вырванных
Насильственно из жизни - вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутолённой жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...
Зима была в тот год
Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

Так писал Максимилиан Александрович Волошин в 1921 году, в разгар гражданской войны, когда в Крыму, можно сказать, на его глазах, красные командиры расстреливали беженцев, - среди них были и участники белого движения - которых обещали

беспрепятственно выпустить за пределы России. Руководил расстрелами Бела Кун, импортированный из Венгрии революционер, одно время живший у Волошина в коктебельском доме. Вечно пьяный и взвинченный, он однажды застал Волошина стоящим на коленях. "Ты что! Что ты делаешь, старик?" - спросил защитник трудового народа. "Молюсь за тебя и за тех, кого ты завтра расстреляешь", - ответил поэт. Волошин увидел у него списки несчастных, приговорённых к расстрелу. Так или нет, но молва передаёт, что пьяный командир предложил Волошину вычеркнуть часть людей из этих списков... Всё, о чём пишет Волошин в стихах этого времени, - фактографическая правда. Правда и то, что размах насилия был так велик и всепобеждающ, что многие отпали от веры, усомнились в присутствии Спасителя среди людей. Так усомнились, между прочим, и ученики Христа, ещё не видевшие, не пережившие Его воскресения. Это характерный страх человечества, не знающего воскресшего Бога. Как будто тяжёлая тень надвинулась на землю (так было и в ту пятницу, помните, евангелист Лука пишет: сделалась тьма по всей земле), и солнце правды померкло. Растерянность и уныние охватили многих, кто ещё верил в победу добра над злом, над тленом, над смертью - о чём каждый раз напоминал им Праздник праздников - Пасха. И они не увидели Христа на этом пепелище. Не природа остановилась. Природа - "красный май" - торжествовала. Нарушился, как им казалось, сверхприродный порядок жизни, по которому сошедший на землю Бог, вочеловечившийся и распятый за нас, поборол смерть. Отчасти они были правы. Вечный закон или вечный завет с Богом был нарушен. Но - людьми, то есть одной стороной. Для нарушителя Завета, для богоотступника исчезает источник света, он теряет вечные ориентиры жизни и действует в помрачении. Для таких людей и для подавленного ужасом народа Христос уже не существует, не побеждает, не воскресает. Именно это состояние и передал Волошин последними словами стихотворения: "Но в ту весну Христос не воскресал". Но Сам-то Бог своего Завета с человечеством не отменил. "Я с вами во все дни до скончания века", - сказал Он. Поэтому Его воскресение имело место всегда - и в ту весну и в последующие, не менее страшные, потому что кровавая Пасха длилась семьдесят с лишним лет, и её метастазы мы переживаем - изживаем сегодня. Но одновременно с ней, с кровавой, в оставшихся храмах и собраниях верующих и просто в их сердцах приносилась бескровная жертва, свидетельствующая о присутствии Христа на нашей земле. Мы ведь не знаем числа праведников, трудившихся в эти годы. И, может быть, в это омрачённое время Бог особенно действенно пребывал в России хотя бы потому, что он прежде всего там, где разлито страдание. Биография отца Александра Меня может рассказать нам об этом красноречивее многих свидетельств. Важно помнить, что такой человек появился на свет и воспитывался в христианском духе именно в эти безбожные годы.

Наше время в чём-то приближается к тому, когда творил Волошин. Войны, беженцы, нищета, разгул насилия. И как тут не впасть в уныние, не отодвинуть от себя христианства вместе со всеми его праздниками. Оно не более, чем воображение безумца, который, по выражению Беранже, "навеял человечеству сон золотой". Грубая атакующая реальность мира забывает прикровенную сверхреальность, по законам которой - по заветам! - не только пульсируют галактики, но и побеждается смерть. Батюшка очень любил этого поэта. Кто-то мне рассказывал, что он однажды, гуляя с прихожанами в новодеревенском лесу, много читал Волошина из только что вышедшей книжечки 77 года - малая серия Библиотеки поэта. Стихотворение, которое я здесь цитировал, не могло, конечно, быть напечатано в том издании. Весь Волошин - полное собрание стихотворений, имелось у нас в приходе - такой неподъёмный, в полный печатный лист самиздатский том. С ним по лесу не походишь. Эту книжечку, изрядно зачитанную, он потом подарил мне. Волошина отец Александр выделял из поэтов "серебряного века" за то, что он, в отличие от многих, видел в революции заслуженную кару, бич Господень - следствие богоотступничества и обмирщения культуры. Он ценил в нём пафос самопожертвования, понимания того крестного пути, высота которого отмечена Голгофой и Воскресением.

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи - вот плоть моя!

Написано в том же году, что и «Красная Пасха». Пророчество (пророчество) волошинского духа он сравнивал с библейским. Он был согласен с поэтом в том, что путь современной истории России может быть осмыслен только в свете Священной истории. Отступничество от истины, братоубийственная война, мучительный поиск высшей правды - всё это чудовищные и повторяющиеся зигзаги того пути, в конце которого стоит Град Божий, то есть Новый - Небесный - Иерусалим. И он мог бы сказать волошинскими словами:

Для разума нет исхода.
Но дух, ему вопреки,
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.

Известно, как загружены православные священники на Страстной неделе. В 1983-м, если не ошибаюсь, году органы госбезопасности шлют повестку за повесткой, приглашая отца Александра на беседу в Москву именно в это время - на Страстной неделе. Прошла Страстная пятница, наступила суббота. В их конторе суббота - выходной день. Дали Александру Меню отдохнуть. А вот прихожане оказались менее гуманны. Я имею в виду себя. То ли подарок я решил ему преподнести к празднику, то ли терпения не хватило подождать до послепасхальных дней, но я приехал в храм в этот день пораньше. Привёз новый перевод одного богослужебного текста, над которым тогда, по его просьбе, трудился. Это был перевод Анафоры, евхаристического канона, второй или третий вариант. Перевёл я его гекзаметром, модифицированным, усечённым гекзаметром. И с этой новинкой разлетелся к нему в кабинет, где как раз никого не было, кроме него. Случай - редчайший. На самом же деле случай закономерный для Страстной субботы, когда священник к вечеру предпочитает остаться один в том состоянии, в каком оставались ученики Господа после свершившейся казни. Скорбь и тишина - вот главная тональность этого дня. А я тут со своим переводом, со своим усечённым гекзаметром. И батюшка, обычно безотказный на чужое творчество, очень мягко дал мне понять, что время я выбрал неподходящее. Сейчас лучше подумать о главном, о том, что нас ожидает, что грядёт... И чтобы уж закончить об Анафоре, скажу, что через несколько дней он прочитал перевод и нашёл его всё-таки не окончательным. Ему казалось, что просодия здесь неуместна. Ритмизированный текст, по его мнению, делал молитву искусственной.

И ещё одну Пасху я хорошо запомнил. Снова Страстная суббота. К вечеру во дворике Сретенского храма становится всё теснее и теснее от прибывающих москвичей. Тут же у шоссе милицейские машины, молодые люди с красными повязками пропускают в калитку старушек, а тех, кто моложе, придерживают, выясняют, кто да откуда, явно провоцируют на конфликт. Но мы воробы стрельяные, отвечаем спокойно, что верим в Иисуса Христа, живого Бога, который сегодня распят, а завтра воскреснет. Понимаете, почему завтрашний день назван воскресением? Потому что в седьмой день недели Бог воскрес. В общем, такой блиц-катехизис на ходу им преподавали, и конфликта не получилось. Многие приезжали с детьми... И два комсомольца-добровольца, стоящие буквально в дверях храма, следили, чтобы дети туда, внутрь, на это мракобесное празднество не проникали. Однако и здесь стража терпела поражение. Хватают за руки мальчика, который шагает вслед за своим папой. Папа без лишнего кипения объясняет идейным молодым людям, что это его сын и советская конституция не запрещает родителям воспитывать своих детей так, как они считают нужным. После двух-трёх таких объяснений вышел батюшка, поговорил с комсомольцами, и их как водой, смыло. Это были предперестроечные годы, когда ужесточилась антицерковная политика и особенно это было заметно в Новой деревне. Батюшка просил нас после службы не задерживаться, расходиться, а собираться в Москве по домам, куда он регулярно наведывался. Так мы и жили в этот год, что называется, на сухом пайке: после службы - врассыпную. Но на Пасху собрались все. В огромном количестве! Церковный дворик не вмещал его прихожан. И никто никуда не прятался. Это была какая-то манифестация. После литургии Пасхального воскресения - многие приехали утром - во дворике храма, по дороге к кладбищу, на траве возле ограды прихожане Сретенского храма славляли Иисуса Христа, разговлялись, христосовались, чокались целлулоидными стаканчиками и никого не боялись. Пусть видят как нас много!!